

основе. Однако в ряде случаев М. Рясянен допускает неоправданные отступления от этого правила. Так, *oŋaj* 'легкий' приводится в статье *oŋ* (стр. 362), но хакасское *öj* 'легкий', представляющее фонетический вариант *oŋaj*, выделено в самостоятельную словарную статью, глагол *oŋra < oŋur* 'время' (стр. 357) отделен от *oŋur* 'время' (стр. 358), так же даются некоторые производные глагола* *jär* 'раскалывать' (стр. 189 и 190) и т. д.

Морфемный анализ производного слова сводится к его расчленению на корневую основу и аффикс. Но этот прием, как нам кажется, недостаточен, если дело идет о непродуктивных словообразовательных моделях.

Для некоторых слов М. Рясянен предлагает две этимологии, но почему-то статьи не имеют взаимных отсылок. Так, чувашское *samtäk* 'молодой' на стр. 105 возводится к *čärmäk, а на стр. 198 к *järmek, глагол *iv* 'спешить' приводится в статье *äb ~ äv* (стр. 34) и в самостоятельной статье (стр. 175), две статьи посвящены слову *jängäc / lengeç* 'краб' (стр. 197 и 316).

Иногда слово в словаре М. Рясяненадается без каких бы то ни было комментариев, хотя оно уже обсуждалось в специальной литературе: например, осм. *saly* 'вторник' (А. Н. Самойлович и Ж. Дени), сойон. *ivi* 'олень' (А. М. Щербак) — казах. *bütňik* 'мята' (Е. Д. Поливанов⁶) и т. д.

Некоторые производные, приводимые в словаре без морфемного анализа, могут быть разложены на составляющие морфемы, если привлечь данные других тюркских языков. Так, например, осм. *icik* 'пузырьки', образующиеся на губах (от жара, лихорадки), легко поддается анализу с привлечением кумыкского глагола *учун-* 'высыпать (о сыпи)', 'обметывать (губы)'; для ср.-турк. осм. *kökän* 'ножные пути (у животного, которое нужно доить)' и т. д. также показательно туркм. *koker-* 'привязывать овец во время дойки' и чуваш. *käkar-* 'привязывать'.

Указывая на заимствования, М. Рясянен не всегда дает переводы слов языка-источника, хотя они бывают важны для установления тождества слова.

Словарь М. Рясянена, конечно, не является единственным возможным типом этимологического словаря тюркских языков. Другие исследователи, вероятно, иначе подойдут к составлению словарника и конструированию словарных статей, сосредоточат внимание на морфологическом анализе производных основ, предложат реконструкции значений и т. д. Но значимость труда М. Рясянена для последующих этимологических штудий представляется нам бесспорной, и его новая книга, наряду с прежними обобщающими трудами по фонетике и морфологии тюркских языков, будет необходимым справочником для языковедов многих специальностей.

Л. С. Левитская

В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев.

Краткий этимологический словарь коми языка.

М., изд-во «Наука», 1970, 386 стр.

Вышел в свет первый коми этимологический словарь, составленный В. И. Лыткиным и Е. С. Гуляевым. Среди существующих ныне по различным финно-угорским языкам словарей он является первым собранием слов, на-

⁶ А. Самойлович. Названия дней недели у турецких народов. «Яфетический сборник», II. Пг., 1923, стр. 103; J. Depuy. Le nom de mardi en osmanli. — ZDMG, Bd. 104 (29), Hft. 2, Wiesbaden, 1954, стр. 383—385; А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, стр. 134; Е. Д. Поливанов. Введение в языкоизнание для востоковедных вузов. Л., 1928, стр. 56.

писанным на русском языке. Новый словарь содержит около 2900 словарных статей и охватывает все буквы коми алфавита. Аналогичные словари создаются и за рубежом, но завершенных там пока нет. К настоящему времени вышли первые четыре тома финского этимологического словаря¹, из запланированных 5-ти томов, Этимологический словарь венгерского языка² в двух томах и Финно-угорские элементы в словарном составе венгерского языка³ в одном томе. Последние две работы должны быть подготовлены в трех томах. Толковый словарь венгерского языка Г. Барци⁴, составленный на все буквы венгерского алфавита, нельзя считать этимологическим в полном смысле этого слова, так как в нем не всегда приводятся параллели из других языков. По остальным финно-угорским языкам соответствующих трудов до сего времени мы не имеем. Словари, создаваемые в Венгрии и Финляндии, безусловно, будут более полными, чем Краткий коми этимологический словарь; над ними работает большой авторский коллектив.

Рецензируемой книге предпослано развернутое Введение (стр. 10—28), в котором излагаются основные звуковые соответствия, наблюдаемые как между пермскими (коми и удмуртским), так и между пермскими и другими финно-угорскими языками. Этот раздел книги — продукт труда письменных лет В. И. Лыткина. Для аспирантов финно-угорского сектора Института языкоznания, молодых научных сотрудников по финно-угорской филологии автор периодически читал курсы «Сравнительная фонетика пермских языков» и «Сравнительная фонетика финно-угорских языков». Здесь в сжатом виде даны извлечения из этих курсов. В учебные планы многих высших учебных заведений финно-угорских республик Российской Федерации в настоящее время включен курс по Введению в финно-угроведение. Однако никакого пособия по этому курсу на русском языке до сего времени нет. В связи с этим, с уверенностью можно сказать, что Введение, предпосланное этимологическому словарю коми языка, явится настольным справочником для преподавателей вузов, аспирантов, студентов и всех тех, кто интересуется фонетикой финно-угорских языков. Материал Введения оформлен в виде таблиц, которые сопровождаются примечаниями. Каждая приводимая звуковая корреспонденция имеет порядковый номер — на эти номера в необходимых случаях даются ссылки в самом конце словарных статей, заключенные в квадратные скобки. Эти ссылки даются с той целью, чтобы широкие круги читателей могли убедиться в фонетической правомерности сопоставлений слов.

Авторы Краткого этимологического словаря из числа 2900 этимологий приблизительно 2/3 систематизировали, интерпретировали по-своему, около одной трети всех этимологий являются совершенно новыми. Весьма ценным представляется алфавитный указатель этимологий по финно-угорским, а также самодийским, тюркским и индоевропейским языкам, составленный Е. С. Гуляевым. Этот указатель поможет быстро найти соответствие для того или иного слова, интересующего читателя языка.

Нужно сказать, что составлению данного словаря предшествовало тщательное изучение лексики пермских языков, в частности коми лексики на разных уровнях. В течение последних лет В. И. Лыткиным и другими пермистами были проведены исследования вопросов исторической фонетики пермских языков, изучены отдельные диалекты. В результате вышел ряд

¹ Suomen kielen etymologinen sanakirja: Y. H. Toivonen. I (A—K), 1955; Erkki Itkonen. Aulis J. Joki. II (K—P), 1958; Erkki Itkonen, Aulis J. Joki. III (P—R), 1962; Erkki Itkonen, Aulis J. Joki. IV (R—T), 1969, Helsinki.

² A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Budapest, I—1967; II—1970.

³ A magyar szókészlet finnugor elemei, I. Budapest, 1967.

⁴ G. Bárczi. Magyar szófejtő szótár. Budapest, 1941. Ср. также словарь Б. Коллиндера (Collinder FUV), содержащий около 600 коми слов.

трудов⁵, а также небольшие публикации по отдельным этимологиям. Все это дало возможность приступить к созданию этимологического словаря по коми языку.

Как и в любом этимологическом словаре, в рецензируемом труде каждая словарная статья является самостоятельным исследованием. Словарь дает систематизированные сведения о происхождении коми слов, определяет самобытный или заимствованный характер того или иного слова. Посредством сравнительно-исторического анализа реконструируется древний общекоми, или общепермский и допермский облик слова и его значение, прослеживаются языковые связи коми народа с соседними народами. Воспроизведение праформы в двух плоскостях (праформы языковой ветви и праформы более ранней) является особенностью рецензируемой работы. В вышеупомянутых словарях мы этого не находим. Замечательным, по нашему мнению, в этом словаре является и то, что в нем читатель найдет географию каждого приведенного слова; если коми (или общепермское) слово заимствовано в каком-либо другом языке, то отмечается распространение его и в том заимствующем языке.

Авторы нередко вносят поправки и дополнения в прежние этимологии. Так, например финские исследователи считали, что прибалтийско-финское слово *pákula*, *pákkula* 'желвак, нарост' в коми язык попало через посредство русского языка (русск. *pákkuла*, *pákulla*, арханг., волог., олон.) > коми *бака* 'трутовник, трутовый гриб, древесная губка'. Коми-зырянское *бака* распространено только в северо-западных диалектах, контактировавших в древности с карельскими говорами. Авторы коми этимологического словаря считают, что оно могло попасть в коми язык не посредственно из карельского языка. Коми слово *акка* нв., вым., и производное *ак-вежань* нв. (Гам.) 'крестная мать' авторы считают прибалтийско-финским заимствованием и не ставят в непосредственную связь со словом *акань* 'кукла', как прежде объяснялось У. Х. Тойвоненом⁶.

Коми этимологический словарь вносит ряд поправок также в некоторые этимологии русских слов. Возьмем хотя бы слово *амысь* 'лемех, сошник', удм. *амезь* 'лемех, сошник'. Эта лексема встречается также в северорусских диалектах в форме *бмежа*, *бмёжъ* с тем же значением. Известный исследователь русского языка М. Фасмер северорусское *бмежъ* сопоставлял с болгарским *ёмеш*, *емёж*, с.-хорв. *jèmeš*⁷. Общепермское слово *амысь*, *амезь* иранского происхождения, ср. новоперс. *ataž* 'рукоятка плуга', арм. *tač*. В русском языке слово *бмежъ*, *бмежа* бытует лишь на узкой территории, в прошлом пограничной с пермскими народами. Исходя из этого, В. И. Лыткин — автор данной словарной статьи считает, что в северорусские диалекты это слово попало из пермских языков.

Впервые получили объяснение такие общепермские слова как к. *аски*, удм. *аскы*, *аску* 'завтра', образованное от основы *ас-*+*-к-* — остатка финно-угорского *к-*ового латива, который отвечал на вопрос куда? в какое время?, бабыны детск. 'лечь спать', *аклявны* 'мять, медленно жевать', сопоставляемое с удмуртским *акылес* 'надоедливый, назойливый, привязчивый', *кольк* [колький-] 'яйцо', *мунтыны* диал. 'подбирать (куски ткани при кройке)',

⁵ В. И. Лыткин. Коми-язывинский диалект. М., 1961; Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Ред. В. А. Сорвачева. Сыктывкар, 1961; В. И. Лыткин. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964; И. В. Тараканов. Бавлинский диалект удмуртского языка. Кандидатская диссертация. Тарту, 1958; В. К. Кельмаков. Кууморский диалект удмуртского языка. Кандидатская диссертация. М., 1969; Т. И. Тепляшина. Язык бесермян. М., 1970, и др.

⁶ У. Н. Тойвонен. Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen. — FUF XXXII, стр. 10.

⁷ Фасмер III, стр. 139.

мур: мур кок иж. 'гостицы, которые приносит жених на девичник и раздает подругам невесты', *намыр* 'костяника (ягоды и растение)', *аэзыны* 'кричать, орать' — звукоподражательное слово, возникшее на коми почве, *аэз* 'закваска для похлебки (приготовляется из ржаной муки или отрубей и капустных листьев)' и многие другие. Имеются очень смелые, и, по-видимому, совершенно верные, объяснения большинства впервые рассматриваемых авторами слов.

В словаре приведены заимствования из самодийских языков, в частности из печенецкого, например: *айбарч* иж. 'строганное мерзлое оленье мясо или рыба (как особое блюдо), строганина' из ненец. *?ajbarč*, *аринъэзи* иж. 'закуска, легкое угощение (приготовленное на скорую руку)' из **ari*, ср. *нгари* междуом. 'скорей!', *лямла* 'лыжи (короткие и широкие, не подбитые камысом)' из ненец. *lqmr^п* и другие.

По роду своей специальности, мы подробнее коснемся материалов словаря, отражающих удмуртскую лексику. Поскольку в словарь включаются и те слова коми языка, которые восходят к общепермскому периоду, то, естественно, сохраняющаяся от этого периода родственная удмуртская лексика также находит объяснение в данном словаре. Анализируется свыше 1700 удмуртских слов.

В качестве заглавного слова словарной статьи выступает коми литературное (а иногда и диалектное) слово с переводом на русский язык; затем приводится имеющаяся параллель из удмуртского языка. Правда, во многих случаях отмечается: в удмуртском языке слово не зафиксировано. Следует думать, что большинству коми слов в удмуртском языке нашлись бы соответствие, но из-за недостаточного еще описания его диалектов и отсутствия справочных материалов — диалектных словарей по различным удмуртским говорам авторам трудно было найти их.

Вот некоторые удмуртские параллели, с нашей точки зрения, не вызывающие сомнения при сравнении их с коми словами, приведенными в Этимологическом словаре:

Амын детск. 'есть, съесть (часто употребляется для прищупивания детей)' (стр. 32а) имеет прямое соответствие в удмуртском, ср.: *ам карыны* детск. 'есть, съесть, укусить'.

Бек (*бекий*) 'ягодицы, седалище' (стр. 38а), удм. *пека* 'конец прямой кишки, выставляющийся у больных (детей, домашних птиц и др.)' (Рукопись УРСл.), *кукм. бека* то же.

Букыш 'хмурый, угрюмый (о человеке)', *букыд* 'хмурый (о погоде)' (стр. 42а), удм. *букос* 'сугробы, занос (на дороге)'. Если это сопоставление верно, то первоначальное значение корня *бук-* (-ыш, -ыд, и -ос — суффиксы) было 'хмаря, зимняя непогода'.

Для коми *былькъя*: *былькъя синма* 'с глазами навыкате' ('син' 'глаз') (стр. 44б) как в фонетическом, так и в семантическом отношении близко удм. *быльккес*: *быльккес син* 'пучеглазый' (УРСл.).

Веж II 'зависть', *веж петö* 'завидую, испытываю страстное желание' и др. наряду с *вожаны* 'ревновать' (стр. 49б) имеет в удмуртском языке более близкую по семантике параллель *вожъяськыны* 'завидовать'.

Вишкыны 'всхлипывать; хныкать; шипеть' (стр. 59а) вполне сопоставимо с удмуртским *вихышъяны* то же.

Куд I 'крышка, наружная оболочка, покров': *син куд* 'оболочка глазного яблока', *син куд выв* уд. 'веки' (стр. 143б), удм. диал. *куткуд*, *синкуткуд* 'веки' (Рукописный фонд Удмуртского НИИ, папка № 27, стр. 294) (*куткуд* из **куд* путем редупликации).

Коми-язывинское *күриčа* 'деревянный крюк, поддерживающий жёлоба' (стр. 147а) имеет фонетическую и семантическую параллель в удмуртском: *кукм. кигсä* 'деревянный крюк на крыше, поддерживающий солому от сползания'.

Коми *летны* 'бить, трепать (только шерсть)', *кя. l'itno* 'бить (шерсть), таскать (за волосы)', *теребить (шерсть, кудель)* (стр. 159а) напрашивается на сопоставление с удм. *лöдьны* 'рвать, мять, бить (шерсть), таскать (за во-

лосы') (УРСл.). Палатализация *л*- в коми словах наступила, вероятно, позднее под влиянием последующих *e* и *i*.

Лошмыны или *лошны* 'разноситься, стать просторнее (об обуви)' и другие значения (стр. 161б) можно сопоставить с удм. *лошъяны* 'трепать, валять; таскать, волочить; обнашивать (одежду, обувь)'. Сопоставление пермских слов с финск. *lihoa* 'полнеть' в семантическом отношении затруднительно.

Коми *ноддя* 'костер (рассчитанный на продолжительное горение)' (стр. 193) имеет соответствие в североудмуртских диалектах: *nod'ja* то же: *нодъяса тылсыны* диал. 'разжечь костер-нотьё' (Рукопись УРСл.).

Падъян нв. скр. 'короб', *вуж падъян* 'корзина, сплетенная из кореньев', *ворча падъян* нв. 'лубяной короб' (стр. 214б), удм. *кукм. ba'd'an, ri ba'd'an* 'деревянная чаша, небольшая деревянная посуда' (*ри* 'дерево, деревянный'). Возможно, в удмуртском произошло народное толкование, связанное с русским словом *бадья*.

Пуньдзыр: *пуньдзыр-паньдзыр* вёчны скр., сс. 'мять, скомкать' под вопросом сравнивается с удм. *пуньрытыны* 'выдавить' (стр. 232б), но нам кажется, что ближе к нему как в фонетическом, так и семантическом отношении стоит удм. ит. *рип'яганj* 'излохматиться, измочалиться, стать ветхим от времени (напр. о мехе, коже, тканях)'.

Пуркийны 'клубиться, подниматься клубами; надувать, наносить' в итинских говорах удмуртского языка имеет прямое соответствие: *purkj̩inj* 'клубиться, подниматься клубами (напр. о дыме)'. Это удмуртское слово неизвестно автору данной этимологической статьи, поэтому он сопоставляет коми *пуркийны* с удм. *пуркак:* *пуркак потыны* 'вспыхнуть пламенем' (стр. 233).

Рудзавны II 'стекать, стечь (о влаге)', *рудзёдны* 'слить, дать стечь' (стр. 245), удм. *ёизаны* 'капать, течь тонкой струей, стекать', *ёизатыны* 'цедить, дать стекать'.

Сапкыны 'отрубить, отсечь; сильным ударом всадить; тюкнуть, тяпнуть топором' и другие значения (стр. 249а) соответствует удм. ит. *sapkinq* 'отхватить, взять себе большую долю', вульг. 'оттяпать'.

Сартас 'лучина' (стр. 250а), ?удм. *кукм. sart* 'кап (на березе)'.

Сурнё кя, 'толкнуть (напр. кулаком); ударить кулаком по зубам, дать в морду' (стр. 267а), удм. *суралтыйсыны* 'замахнуться' (Бор.), *суралтыйсыса шуккыны* (мыжсыны) 'ударить (в лицо) с размахом' (*шуккыны* 'ударить', мыжсыны 'ударить кулаком'; корень *сур-*).

Сыв II 'жир, сало', *сыла* 'жирный, наваристый' (стр. 267б), удм. *кукм. sel: sel voi* 'масло, выпотленное из внутреннего сала свиньи и гуся' (*võj* 'масло'). Первоначальное значение могло быть 'жир, масло, выпотленное из сала'. Однако, удмуртское слово можно связать и с коми *сывыны* 'таять, плавиться, раствориться', удм. *сылмыны* 'развариться, растиять, раствориться', глаз. *selene* то же; как известно, гусиный и свиной жиры, в отличие от говяжего и бараньего, именуемого *кын вёй* букв. 'мерзлое масло', очень быстро тают (даже при комнатной температуре). Таким образом, *sel voi* первоначально могло означать и 'тающее масло'.

Коми *сюра* или *сюра рок* 'каша, приготовляемая из сущеных пирогов'; *сюра шыдэс вв.* 'сущеные пироги или шаньги для приготовления каши (охотничья крупа)' (стр. 274б) может быть сопоставлено с удм. *сюрел, сюрер* 'цвет злаковых культур, пыльники у колосовых', *кукм. ёигги* 'пакисель' (*ui* 'вода'). Удмуртское *ёиг*, вероятно, обозначало 'хлебный злак' или один из его видов⁸.

Турмунны нв. 'растопыриться (напр. о листьях)' (стр. 287б) сопоставимо с удм. *тур лоббыны* 'полететь, растопырив крылья (о домашних птицах)

⁸ В. К. Кельмаков. Этимология некоторых удмуртских слов. Записки Удмуртского НИИ, вып. 21. Ижевск, 1970, стр. 142—143.

(*лобъыны* 'улететь, полететь'); ср. *tur* 'звукоподражание шуму крыльев птиц при взлете' (УРСЛ.).

Увтыр, ултыр 'порода, отродье; поколение, род' (?) (стр. 295а) следует сравнивать с удм. *ul-*, *uli* 'поколение, род', ср.: *mi gondır ulios luiśkom* 'мы относимся к роду Гондыр (букв. — к роду Медведя)' — так говорят о себе члены семьи Королевых в дер. Малая Кизня Дебесского района Удмуртской АССР; кукм. *ul-* 'выводок (гусей, уток)'.

Чаккёдны вым. 'раздавать' (напр. клопа). Это слово можно сопоставить с мар. *чачээм* 'побью (детск.)' (стр. 303а) и с удм. кукм. *čасёпö* 'бить, побить (детск.)', ирон. 'ударить слегка, не в полную силу цепом при молотьбе'.

Чон печ. 'совсем, совершенно', *чон ötnas* 'совершенно один' напрашивается на сопоставление с удм. кукм. *čoŋk:* *čoŋk o'naz, čoŋkak o'naz* 'совершенно один, один как перст', а не с *чонъ-чонъ султыны* 'прямо встать', как приведено в словаре (стр. 309б).

Хотя к выяснению этимологии некоторых слов авторы подходят с определенной осторожностью, с нашей точки зрения, происхождение отдельных из них является несомненным. Например, возьмем слово *ордым* 'просека, тропа, тропинка'. В словаре отмечается: этимология неясна. Но ср. удм. *урдым* 'плетень'. Последнее является производным от удмуртского *урдыны* 'поставить стоймя (древа, жерди, доски)'; не означало ли первоначально кз. *ордым* 'жерди, вешки, оставляемые в пути (напр. охотником)'. Мы полагаем, что автор данной словарной статьи прав. Коми-зырянское *ордым* можно сопоставить с удмуртской лексемой **урдым*. К такому утверждению нас приводит известный нам материал удмуртской топонимии. На территории расселения удмуртов бывшего Тыловайского района встречаются названия населенных пунктов *Урдымо*, *Урдумошур*, значение которых в настоящее время забыто. Конечный элемент -о в приведенных топонимах представляет собой суффикс прилагательных со значением обладания чем-л. (ср. *йöл* 'молоко', но: *йöло* 'молочный', *nyd* 'рукоятка', но: *nyðo* 'с рукояткой' и т. п.) — *урдымо* ~ *урдумо* букв. 'с жердями, вехами, расставленными по обочине дороги' от **урдым* (< **ордым*) 'жерди, вехи, расставленные по обочине дороги зимой'.

Однако, в словаре встречаются и сомнительные и маловероятные этимологии. В частности, в семантическом отношении довольно натянуто, как нам представляется, сопоставление следующих коми и удмуртских слов.

Нырзыны вым. иж. уд. 'закисать, закиснуть, сесться, превратиться в простоквашу (о молоке)', удм. *норисъкыны* 'заразиться; запачкаться, вызваться' (стр. 197а).

Семантически трудно сопоставимы коми *пыкмыны* 'забухать, забухнуть, набухнуть (об обручной посуде)' и удм. *пыкмыны* 'стать затхлым, прогоркнуть (о масле)' (стр. 235б).

Рутитны нв. скр. 'валить (о дыме)', удм. *жёт-жёт* 'усиленно, усердно', *жёт-жёт ужаны* 'усердно работать' (стр. 246а). Более точное значение данного удмуртского слова 'четко, ясно; категорично'. И в том, и в другом значении оно семантически очень далеко от коми *рутитны*.

В некоторых случаях авторы этимологических статей, руководствуясь лишь принципом фонетического сходства и семантической близости лексем, сопоставляют (правда, иногда под вопросом) отдельные коми слова финно-угорского или неясного происхождения с неисконными удмуртскими и мариjskими словами (преимущественно заимствованиями из чувашского или татарского языков), не указывая при этом на заимствованный характер последних и источник заимствования. На основе сомнительных соответствий иногда реконструируется общепермские или даже допермские праграммы. Очевидна ошибочность следующих этимологий:

Мар. *пүртнъык* 'мята' сопоставляется с коми *берин* 'веснушка, веснушки' и удм. *порни* 'пикульник' (стр. 39б); на самом же деле это слово является тюркским заимствованием. Ср.: чув. *пëтнëк* 'мята', башк. *бётнёк*, татар. *бётнек* 'мята', казах. *бүтнүк* 'просирник' (ЭСЧЯ, 159), чему

в удмуртском соответствует *butník* (Räsänen, 93). Согласный *-n-* в марийском языке вторичного происхождения⁹.

Удм. *gwirlal-* урс. 'петь' из-за вокализма первого слога нельзя связать с удмуртским *гурул* 'передняя часть шеи' и соответственно с коми *горъёдны* 'отрыгнуться' (стр. 78б): первое во всех говорах юго-западного наречия имеет *-ш-*, а второе — повсеместно *-и-* в пределах первого слога. По всей вероятности, удм. *gwirlal-* 'петь' (также и 'ворковать') заимствовано из татарского, ср.: *гөрләү* 'ворковать (о голубях); журчать (о родниках, ручьях)', *гөрләшү* 'ворковать, любезничать (о людях)'. Последнее предположение не встречает возражений ни в семантическом, ни в фонетическом отношении. Татарское *ө* — > удм. юз. *-и-* вполне закономерно, ср. напр. татар. *төс* 'вид, облик; портрет; цвет, масть' > юз. *tws* то же, татар. *кәй* 'мелодия, мотив, напев' > юз. *kışj* то же, татар. *төрле* 'различный, разнообразный' > юз. *twirlə*, кукм. *twirlə* (д. Вязовка Татышлинского района Башкирской АССР) то же.

Мар. *ажынаш* 'беситься', *аждараш* 'бесить, взбесить', ср. еще: *ажындараш* 'развращать, развратить, совращать, сорвать, соблазнить; бесить, разъять'; равным образом и удм. *ажын* 'ленивый, неповоротливый, медлительный, лентяй; опустившийся (в моральном отношении)'; *азыны* 'воспалиться, разболеться (о ране); вырождаться' восходит к татарскому языку, ср. татар. *ажын* 'избалованный, блудный, развращенный, распутный', *аздыру* 'развращать, портить, совращать; запустить (болезнь), растрявить (рану)' и др.¹⁰ Сопоставление мар. *ажынаш* и др. с коми *озёв* лет. 'сглаз', (стр. 203б) неверно еще и потому, что последнее восходит, по-видимому, к russk. *озёв* вост. 'сглаз, прозор, порча, притка с глазу, напущенная болесть' < от глагола *озевать* 'осматривать, зевая, от нечего делать; праздно зевать на что, сглазить, испортить'¹¹.

Мар. *пашáраш* Г., *пашáрташ* Г. 'прессовать, зажимать, держать под гнетом, под тяжестью' и *пошарташ* 'придавать груз при помощи бастрика', заимствованы из чувашского языка¹². Мар. *пашáраш* Г. этимологически связать с коми *ладжны* 'притупить, затупить' (стр. 214а) и *патшыр* 'тупой, вздернутый (о носе)' (стр. 217б) трудно в фонетическом отношении: судя по таблице № 39 звукосоответствий в финно-угорских языках, на которую ссылается автор данных словарных статей, удмуртским и коми какуминальным аффрикатам должны соответствовать в горномарийском инлаутное какуминальное *č* (орф. ч), а между тем мы имеем здесь коми какуминальное *ȝ* и *ć* (орф. *дж* и *тиш*), удмуртское палатальное *č* (орф. ч) и горномарийское *š* (орф. *ш*).

Тюркскими заимствованиями, безоговорочно отнесенными авторами к словам финно-угорского фонда, являются, на наш взгляд, марийские: *пүртк* 'зерно, крупица' (стр. 225б), *пыташ* 'кончиться', *птыараши* 'закончить' (стр. 234а), *рэнчаш* 'обидеться' (стр. 247б), *сäр*, *сäрза* 'воинственный' (стр. 249б), *чал* 'слава' (стр. 289б), *тыгылаш* 'столпиться, набиться под жернов (о муке при размоле)' (стр. 292б), *черле* 'больной' (стр. 303б), *емыж* 'плоды, ягоды, фрукты' (стр. 329а); удмуртские: *perijašk-* 'бесноваться', *peri*, *päri* 'черт' (< через тюркское посредство перс. *pari*, стр. 229б), *sërlal-*, каз. *sërlanl* 'делать резьбу'; ср. еще кукм. *sörlanø* 'стегать (одеяло и пр.), прошить' (стр. 251а), *сыныр* 'сухожилие' (стр. 263б), *чалыштыны* 'затесать кол, клин' (стр. 311) и некоторые другие.

⁹ Л. П. Г р у з о в. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969, стр. 198—199.

¹⁰ О переходе *з* > *ж* в тюркских заимствованиях в марийском см.: Л. П. Г р у з о в, стр. 162.

¹¹ Д а л ь з II, стб. 1702.

¹² Ö. B e k e. Zur Geschichte der finnisch-ugrischen *s*-laute. — FUF XXII. Helsingfors, 1904, стр. 111.

В словаре встречаются некоторые противоречивые сопоставления. Например, дериваты одного и того же корня удмуртского (resp. мариjskого) языка или одно и то же полисемантическое слово с разными своими значениями попадают в различные этимологические статьи и сравниваются с довольно далекими в фонетическом и семантическом отношениях (возможно, и этимологически не имеющими ничего общего) словами коми языка.

Мар. *укиш* 'сук' связывается с коми *вос* II 'зазубрина, зуб (крючка, остроги и т. п.)' (стр. 63—64), а его производное *укишер* 'хворост' (-ер — суффикс¹³) сравнивается (правда, под вопросом) с коми *ёкшым* 'овхостье' (стр. 211).

В разные этимологические гнезда попали (также под вопросом) мар. *tšak* 'близко; чуть-чуть', коми *джага*: *джаг гёрёд* 'глухой, мертвый узел' (стр. 88а) и производный от него глагол *чакемаш* 'сблизиться, уплотниться, сплотиться', коми *сюктём* л. 'затор, скопление ледяных глыб' (стр. 274а).

Удм. *пуд* 'ботва' сопоставляется в словаре с коми *под* (*подай-*) 'нога; ножка (гриба), кочерышка (капусты), копыл (саней)' (стр. 225а), а со значением 'куст, кустарник' — входит в одно этимологическое гнездо с коми *пудлас*: *лежнёг пудлас* 'бородавка'; первоначально 'куст шиповника' (*лежнёг* 'шиповник'), ср. *пудлас* 'куст' (стр. 231а).

На стр. 264б удм. *сэрек* 'горячий, беспокойный, вспыльчивый', *сэрек кёлны* 'спать неспокойно' сопоставляется с коми *сёрны* 'бредить (во сне), болтать, молоть, врать', а на стр. 272 деривационно связанный с первыми удм. глагол *сэрктыны*: *сюлем сэрктыз* 'я нервничаю (букв. сердце беспокоится)' оказался в одном этимологическом гнезде с коми *сэрёдны*: *корёг сэрёдны* 'разбивать комья земли, разрыхлять землю' (*корёг* 'ком, комок земли') и удм. *сэрктыны* 'распустить, размотать, распустить'.

На стр. 301б: коми *чамзыны* 'кричать пронзительным голосом' // ? мар. *чанга* 'галка', *чан* 'колокол' < общеперм. *čay-, < доперм. *čaya 'резкий, пронзительный звук'.

В отношении данной этимологической статьи следует сказать следующее

1) мар. *чан* 'колокол' фигурирует в двух этимологических статьях и сопоставляется то с коми *жыннян* 'колокол' (стр. 103б), то с указанным выше *чамзыны* и в обоих случаях не совсем удачно;

2) оба слова попали в мариjskij (resp. удмуртский) язык из тюркских: а) мар. *чана* 'галка', удм. *чана*, южн. и юго-зап. *şaşa* 'галка' < чув.¹⁴; ср. еще карач., балкар. *şaika* 'галка', татар. *şäykä*, чув. *čavGa*, *čana* (венг. *csóka*, Räsänen, 101а); б) мар. *чан*, *чанг* Г. 'колокол', удм. *кукм.* *čay* 'набат', ср. уйг., чагат., татар. *čaŋ* 'колокол', тур. *čan*, тобол., бар. *caŋ*, алт. и др. *čay* то же (> чув. *čan*), якут. *čay*, *čäŋ* 'сплав меди и олова, бронза' = монг. *čay* 'музыкальный инструмент' < перс. *čang* (Räsänen, 99а).

Учет закономерностей семантического развития слов и знание тех реалий, с которым связано то или иное рассматриваемое слово, является важнейшим подспорьем при этимологизации слов.

Коми *съём* 'деньги', например, несомненно восходит к коми *съём* 'чешуя (рыбы)' (стр. 270), поскольку совпадение названия денег, денежной единицы и т. д. с названием рыбьей чешуи (клеска) > 'монета, рубль; деньги' характерны и для других языков, ср. в татарском *тәңкә* 'монета, рубль' и 'чешуя'.

В отношении происхождения коми *муса* и удм. *мусо* 'милый, любимый, дорогой' автор приводит в соответствующей этимологической статье

¹³ И. С. Галкин. Историческая грамматика мариjskого языка. Морфология, II. Йошкар-Ола, 1966, стр. 13.

¹⁴ Y. W i c h m a n n. Tschuwassische Lehnwörter in den permischen Sprachen. Mémoires de la Société Finno-ougrienne, XXI. Helsingfors, 1903, стр. 112.

(стр. 179б) два различных мнения, существующие в финно-угроведческой литературе: 1) *муса* и *мусо* от *мус* 'печень' (-*а* и -*о* — суффиксы) и 2) *муса*, *мусо*, мокш. *мазы*, *мази* 'красивый, миловидный', эрз. *мазый* то же. К сожалению, из этимологической статьи невозможно понять, противоречит ли одно мнение другому, и если да, то какого из них придерживается автор и почему. А между тем предположение Уотилы (1-е) не лишено рационального зерна. Как известно, многие отвлеченные понятия, связанные с душевными переживаниями и психическим состоянием человека, получили название в удмуртском языке (и не только в удмуртском) от наименований определенных внутренних органов: сердца, печени, живота, желчи и т. п. Ср. в удмуртском языке от слова *сюлэм* 'сердце': *сюламо* 'прилежный, старательный (букв., с сердцем, имеющий сердце)', *сюлмасъкны* 'заботиться, беспокоиться, стараться', *сюлмасъкон* 'забота, беспокойство', *сюлэмшугъяськон* 'беспокойство, нервничание' и др.; от слова *кöt* 'живот, брюхо; желудок': *кötшöдон* 'предчувствие (букв. живота ощущение)', *кötвесъкантэм* 'несносный, невыносимый, неприятный' (букв. в живот не умещающийся, не укладывающийся), *кötку-ректон* 'кручинка, печаль, горе' (букв. 'садниящая боль в животе') и т. д. Таким образом, и у прилагательного *мусо* 'имеющий печень, с печенью', образованного от имени существительного *мус* 'печень' посредством суффикса -*о*, вполне могло развититься вторичное значение 'милый, любимый, дорогой', которое впоследствии стало его основным значением.

Несколько слов об оформлении книги. Хотя объем словаря сравнительно небольшой, издатели выпустили его в хорошем переплете. Шрифт удобочитаемый. Ясно выделены авторские слова и ссылочные материалы. Однако с досадой приходится отметить, что такая нужная для специалистов книга, которая постоянно будет служить справочником для многих читателей, не лишена опечаток.

Несмотря на некоторые недочеты рецензируемой книги, издание ее, безусловно, является полезным делом. Это первый опубликованный в СССР этимологический словарь из числа языков финно-угорской группы. Он вносит большой вклад в советское финно-угроведение.

B. K. Кельмаков, T. I. Тепляшина

Принятые сокращения

Источники

- Бор. — Т. К. Борисов. Удмуртско-русский толковый словарь. Ижевск, 1931.
- Рукопись УРСл. — Рукопись удмуртско-русского словаря, подготовленного к изданию сектором языка Удмуртского научно-исследовательского института.
- УРСл. — Удмуртско-русский словарь. М., 1948.
- ЭСЧЯ — В. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1969.

Названия языков и диалектов

- вв. верхневычегодский
ит. итинский говор среднего наречия удмуртского языка
к. коми язык

каз.	казанский диалект удмуртского языка (по В. Мукачи)
карач.	карачарский
кз.	коми-зырянский
кя.	коми-язывинский диалект коми языка
мар. Г.	марийский горный
мокш.	мокша-мордовский
нв.	нижневычегодский
скр.	сыктывкарский
сс.	среднесысолльский
юз.	юго-западное наречие удмуртского языка